Наталья Роевских

Отель для бывших

Наталья Роевских

Отель для бывших

«Автор»
2026

Роевских Н.

Отель для бывших / Н. Роевских — «Автор», 2026

Десять лет назад жених Евы не приехал на свадьбу. Не позвонил, не объяснился - просто передал короткое сообщение через друга. Ева уехала к бабушке в горы и осталась там навсегда. Теперь она одна управляет старым семейным отелем. Бабушки больше нет, долги растут, а отель может не пережить эту зиму.Последняя надежда - большой заказ накануне Нового года: невеста снимает отель для своей свадьбы. Среди гостей оказывается тот самый Марк: он снова собирается жениться - но не на Еве.Снегопад отрезает отель от внешнего мира, невеста уезжает по срочному делу, а под одной крышей остаются люди, которым давно пора разобраться с собственным прошлым. Впереди - бессонная ночь у сломавшегося котла, неожиданные признания и вопросы, на которые непросто найти ответы.Сможет ли Ева спасти отель? И есть ли у любви второй шанс?Тёплая зимняя история о любви, которая не заканчивается вместе с несостоявшейся свадьбой и о доме, объединившем разных людей, и о том, как важно сделать свой собственный выбор.

© Роевских Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Десять лет назад 5
Глава 1. Вилла «Анна» 7
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Отель для бывших

Пролог. Десять лет назад

Арку из белых гортензий привезли в половине второго, и Ева еще успела поспорить с флористом о том, куда ее ставить: он хотел к пруду, где на фотографиях хорошо выйдет вода, а она настояла на месте под старой липой, потому что под липой была тень и бабушке не придется сидеть на солнце. Флорист уступил с видом человека, которого вынудили испортить шедевр, и Ева потом часто вспоминала этот спор. Он оказался последним делом того дня, которое закончилось так, как она хотела.

Усадьбу они нашли весной, когда объехали полтора десятка мест и поссорились всего один раз, из-за ресторана с зеркальным потолком, который Марку показался смешным, а ей – страшным. Старый дом с облупившимися колоннами, запущенный сад и сторож, который разрешал гулять по аллеям за символическую плату, понравились обоим с первого взгляда. Марк тогда сказал, что здесь можно жениться и не чувствовать себя участником телешоу, и Ева запомнила эту фразу, потому что сама думала почти теми же словами.

Регистратор, полная женщина в синем костюме, приехала заранее, разложила на столике под липой папку, ручку и бархатную подушечку для колец и спросила, где можно выпить воды. Гости собирались к четырем. Тридцать восемь человек, если считать тетю из другого города, которая до последнего не знала, сможет ли приехать, и приехала. Бабушка сидела в первом ряду в своем лучшем платье цвета топленого молока, держала на коленях сумочку и делала вид, что ей совсем не жарко. В апреле у нее случился приступ, после которого врач долго говорил о покое и о том, что сердце в ее возрасте – вещь капризная, и бабушку пришлось увезти из гор в город, поближе к больнице. Ева весь май просыпалась по ночам и прислушивалась, дышит ли бабушка в соседней комнате, а пансионом тем временем управляла по телефону Вера.

Именно из-за этого она и решила остаться. Не навсегда, всего на год, пока бабушка не окрепнет и не найдется кто-то, кто сможет быть с ней рядом. Марку предложили работу за границей, о которой он мечтал с третьего курса, и Ева уговаривала его ехать, а сама обещала прилететь, как только станет можно. Он согласился слишком быстро, и это ее тогда задело, но потом она решила, что он просто не хочет давить на нее. В последние недели перед свадьбой он стал молчаливее обычного, подолгу смотрел в окно и отвечал невпопад, и Ева списывала это на нервы: у всех перед свадьбой нервы, так говорили подруги, так говорила мама Марка по телефону, так говорила себе она сама.

В четыре его не было. Друг, который должен был стоять рядом с ним, звонил каждые пять минут и каждый раз слушал механический голос, сообщавший, что абонент недоступен. В четверть пятого гости начали переглядываться. В половине пятого регистратор деликатно спросила, не задерживается ли жених в пробке, и Ева ответила, что, наверное, задерживается, хотя до усадьбы от его квартиры была одна прямая дорога, на которой в субботу днем никто не стоит.

Она запомнила, что все это время держала в руке букет и что стебли, туго перемотанные атласной лентой, становились все более влажными от ладони. Запомнила пчелу, которая кружила над гортензиями и никак не могла решить, на какой цветок сесть. Запомнила, как бабушка, не вставая со стула, нашла ее взглядом через весь сад и не отводила глаз, пока Ева не кивнула ей в ответ.

Без двадцати пять его другу пришло сообщение. Не ей, другу. Он долго не отрывался от экрана, потом подошел к Еве, и по тому, как он шел, медленно, глядя себе под ноги, она поняла все раньше, чем он открыл рот. «Я не приеду. Прости». Три слова и знак препинания, отправленные человеку, которому досталась обязанность передать это дальше.

Позже Ева не раз пыталась восстановить, что именно она чувствовала в ту минуту, и не могла. Боль пришла потом, через неделю, через месяц, и долго еще продолжала приходить в самых неподходящих местах: в очереди в аптеке, в автобусе, над раковиной с немытой посудой.

А тогда, в саду, было что-то другое, что-то, похожее на звон в ушах после громкого хлопка, когда вокруг продолжают говорить, а ты видишь только, как шевелятся губы. И сквозь этот звон очень ясно проступила одна мысль: тридцать восемь человек ждут, что она сделает.

Она отдала букет Соне, своей лучшей подруге, зачем-то поправила фату, которая совсем не мешала, и вышла к гостям. Голос, к ее удивлению, не дрожал. Она сказала, что свадьбы не будет, что ей очень жаль, что они приехали зря, и что она благодарна каждому. Потом добавила, что ужин оплачен, повара работали с утра и будет неправильно, если еда пропадет, поэтому она просит всех остаться и поесть. Кажется, она даже улыбнулась. Кто-то из гостей неуверенно засмеялся, решив, что это шутка, и тут же умолк.

Бабушка встала первой. Она прошла к накрытым под навесом столам, села на ближайший стул и сказала громко, на весь сад, тем голосом, которым когда-то разговаривала с поставщиками в своем горном пансионе:

– Ну, что стоите? Все голодные, кто-то с дороги. Садитесь.

И гости сели. Ева потом думала, что этот ужин был самым странным в ее жизни и, может быть, самым важным. Она ходила между столами в белом платье, подливала тете лимонад, отвечала на неловкие вопросы о погоде и о работе и благодарила каждого, кто уезжал, так, словно провожала гостей после праздника, а не после катастрофы. Мама Марка не приехала: позвонила утром, извинилась и сказала, что поднялось давление. Теперь Ева понимала, что, скорее всего, она что-то знала или о чем-то догадывалась. Друг Марка уехал одним из первых, не глядя ей в глаза, и Ева не стала его удерживать. Ей было даже немного жаль его.

К девяти вечера в саду остались только они с бабушкой, двое рабочих, разбиравших шатер, и регистратор, которая почему-то не уезжала, а сидела в машине с открытой дверцей и курила. Ева сняла туфли и села на каменные ступени у входа в дом. Камень еще хранил дневное тепло. Бабушка осторожно опустилась рядом, хотя врач запрещал ей сидеть на холодном, а Ева впервые за весь вечер не стала ей об этом напоминать.

– Ты была молодцом, – сказала бабушка.

– Я была идиоткой, – ответила Ева. – Он ведь месяц ходил с таким лицом. Я все видела.

– Видеть и понимать – разные вещи. Если бы мы понимали все, что видим, на свете не было бы ни одной свадьбы.

Ева засмеялась, и смех вышел хриплым и чужим. Один из рабочих подошел к ним, держа в руках охапку гортензий, снятых с арки, и спросил, что с ними делать. Цветы уже начали подвядать по краям, но издалека все еще казались свежими.

– Заберите себе, – сказала Ева. – Подарите кому-нибудь, у кого сегодня все в порядке.

Рабочий пожал плечами и унес цветы к грузовику. Бабушка нашла ее руку и сжала ее своей сухой, легкой ладонью, в которой все равно было больше силы, чем можно было ожидать.

– Поедешь со мной в горы? – спросила она. – Ненадолго. Пока тут все не уляжется.

Ева посмотрела на опустевшую липу, под которой еще стоял столик регистратора с бархатной подушечкой, так и не дождавшейся колец, и кивнула. Она думала, что уезжает на месяц, но прожила в горах десять лет.

Глава 1. Вилла «Анна»

Котел в подвале назывался Генералом. Бабушка дала ему это имя лет тридцать назад, когда его только установили и он гудел так грозно и основательно, что постояльцы спрашивали, нет ли поблизости военного объекта. С тех пор Генерал постарел, обзавелся двумя новыми сварочными швами на трубах, одним капризным клапаном и привычкой замолкать по утрам, когда за окном было ниже десяти градусов, то есть именно тогда, когда он был нужен больше всего.

В то декабрьское утро он замолчал в начале седьмого. Ева проснулась не от тишины, а от холода, который просочился под одеяло со стороны окна и лег на плечо, как чужая ладонь. Она полежала несколько секунд, прислушиваясь к дому, потом нащупала на стуле свитер, натянула его прямо поверх пижамы и спустилась в подвал, на ходу закручивая волосы в узел.

Генерал стоял в своем углу, огромный и безмолвный, и на табло горела красная лампочка, значения которой не знал никто, включая мастера из города, приезжавшего раз в месяц и каждый раз уезжавшего с выражением человека, который видел чудо и не может его объяснить. Ева выучила последовательность действий наизусть: отключить подачу, сосчитать до шестидесяти, нажать на кнопку сброса и одновременно ударить ладонью по правому боку, чуть ниже таблички с номером. Мастер, узнав про удар, долго смеялся, а потом признал, что иногда это действительно помогает, потому что там отходит контакт. Ева ударила. Генерал вздохнул, захрипел, и через минуту по трубам пошел низкий, утробный гул, от которого у нее всякий раз немного отпускало в груди.

– Ну вот, – сказала она котлу. – И стоило упрямиться?

Генерал не ответил. По лестнице спустился Барон, огромный рыжий кот с порванным в давней драке ухом, сел на нижней ступеньке и посмотрел на Еву тем взглядом, которым смотрел на всех, кто, по его мнению, слишком поздно вспомнил о завтраке. Барон жил в отеле дольше, чем Ева, и вел себя соответственно: игнорировал гостей, спал в тех номерах, где ему хотелось, и признавал над собой власть только одного человека – Веры, которая кормила его вареной курицей и разговаривала с ним как с равным.

Ева поднялась наверх, на ходу проверяя батареи в коридоре. Вилла «Анна» была построена больше ста лет назад как охотничий дом какого-то местного богача. Бабушка купила ее полуразрушенной, когда Евиной маме было пять лет, и постепенно превратила в пансион, о котором до сих пор писали в старых путеводителях: три этажа светлого дерева, резные балконы, широкая лестница с перилами, отполированными тысячами ладоней, и четырнадцать номеров, у которых вместо цифр были названия городов. Бабушка всю жизнь мечтала путешествовать и почти никуда не ездила, потому что пансион не отпускал ее больше чем на неделю, и однажды она просто взяла и назвала номера в честь мест, которые хотела увидеть. Так в отеле появились «Лиссабон», «Киото», «Вальпараисо» и «Самарканд», а гости, приезжавшие из года в год, бронировали не комнату, а город, и спорили за «Венецию», потому что из нее был лучший вид на ледник.

Сейчас из четырнадцати городов были заняты два. В «Лиссабоне» жила пожилая пара из Голландии, приезжавшая сюда каждый декабрь последние восемнадцать лет и ни разу не изменившая своей привычке завтракать ровно в восемь. В «Киото» третий день сидел писатель, который, судя по всему, не писал, а пил, и по ночам громко разговаривал по телефону с кем-то, кого называл исключительно «эта женщина». Больше никого. Двенадцать городов стояли пустыми, с аккуратно застеленными кроватями и выключенными батареями, и Ева старалась без нужды не открывать их двери, чтобы не видеть этой аккуратности.

На кухне уже горел свет. Макс стоял у плиты в расстегнутой поварской куртке, из-под которой виднелась футболка с названием какой-то рок-группы, и раскатывал тесто под музыку,

игравшую из блютуз-колонки так громко, что сковородки на крючках отзывались тонким дребезжанием. Ему было двадцать шесть, он пришел в отель три года назад после того, как его выгнали из ресторана в городе за драку с шеф-поваром, и за эти три года Ева успела уволить его дважды и дважды попросить вернуться. Макс был безалаберен, вспыльчив и гениально готовил. Голландцы, которых, казалось, ничем на свете нельзя удивить, однажды прислали ему открытку с одним словом: «Спасибо».

– Генерал опять бастовал? – спросил Макс, убавляя звук.

– Да, но уже все нормально. Ты что-то печешь?

– Плетенку с маком. Для голландцев. У них сегодня годовщина, я видел в анкете.

Ева остановилась в дверях. Восемнадцать лет назад эту анкету заполняла бабушка, а Ева, тогда еще школьница, приезжавшая сюда на каникулы и помогавшая на ресепшене, переписывала ее в новый журнал, когда старый развалился. И все-таки об этой годовщине забыла.

– Ты молодец, – сказала она, и Макс сделал вид, что не услышал, но уши у него порозовели.

Вера сидела в холле за стойкой регистрации, в очках на цепочке и в шерстяной жилетке, которую вязала сама и которая, по ее словам, повидала троих мужей, хотя замужем Вера была только однажды. Ей было шестьдесят три года. Она работала с бабушкой с того самого дня, как пансион открылся: сначала горничной, потом администратором, и знала про отель больше, чем Ева успела бы узнать за всю жизнь. После бабушкиной смерти Вера осталась, хотя могла бы уйти на пенсию и переехать к сестре на море, и Ева до сих пор не нашла в себе смелости спросить почему, потому что боялась услышать ответ.

– Почта, – сказала Вера, не поднимая головы, и подвинула к ней стопку конвертов. – Сверху тот, который ты не хочешь открывать.

Конверт из банка был плотным, белым, с синим логотипом в углу, и Ева действительно не хотела его открывать. Она взяла его, повертела в руках, положила обратно и снова взяла. Вера молча за ней наблюдала.

Письмо было коротким и вежливым, как все письма, после которых хочется лечь лицом к стене. Банк напоминал, что по кредиту, взятому покойной владелицей на ремонт крыши и восточного крыла, образовалась просроченная задолженность. Банк с пониманием относился к временным трудностям и уже дважды шел навстречу. Банк сообщал, что если до конца февраля задолженность не будет погашена или не будет представлен план реструктуризации, подкрепленный реальными доходами, он будет вынужден начать процедуру обращения взыскания на заложенное имущество. Внизу стояли подпись, печать и пожелание хорошего дня.

Ева перечитала письмо, сложила его вчетверо и убрала в карман свитера, как будто от этого цифры могли стать меньше.

– Февраль, – сказала она.

– Я так и думала, – ответила Вера. – Они в прошлый раз намекали. Сколько не хватает?

Ева назвала сумму. Вера сняла очки, протерла их краем жилетки и надела обратно. Это означало, что сумма произвела на нее впечатление.

– Свадьба покроет больше половины просрочки, – сказала Ева, обращаясь скорее к себе, чем к Вере. – Аванс уже ушел в банк, остаток они заплатят при заезде. Плюс январь, если удастся поймать хотя бы несколько групп. Плюс…

Она замолчала, потому что дальше никакого «плюс» не было. Был старый котел, который рано или поздно перестанет реагировать на удары, крыша восточного крыла, которую так и не доделали, и сайт, который бабушка заказала у внука своей подруги десять лет назад и который до сих пор открывался только с третьего раза. Была долина, в которую каждую зиму приезжало все меньше людей, потому что в соседней долине построили новый курорт с подъемниками, аквапарком и отелями, где номера назывались не городами, а цифрами, зато в каждом был телевизор размером с окно.

– Значит, свадьба, – сказала Вера. – Хорошо, что она есть.

Свадьбу забронировали в октябре, когда Ева уже почти перестала надеяться на зимний сезон. Письмо пришло от ассистентки некой Виктории: невеста хотела снять отель целиком на десять ночей, с двадцать второго декабря по первое января, для себя, жениха и примерно тридцати гостей, а саму церемонию провести в новогоднюю ночь, на террасе, под открытым небом, если позволит погода, или в большом зале у камина, если не позволит. Ассистентка писала деловито и подробно, задавала разумные вопросы про отопление, про меню для гостей с аллергией и про то, можно ли привезти своего музыканта. Невеста, по ее словам, увидела отель на старой фотографии в журнале и «влюбилась с первого взгляда». Ева тогда перечитала это письмо раз пять, чтобы убедиться, что не ошиблась в количестве ночей, и в первый раз за много месяцев позволила себе выдохнуть.

Аванс пришел через три дня, без единого вопроса и без попытки поторговаться. Ева отправила его в банк в тот же вечер, и банк, судя по сегодняшнему письму, даже не заметил.

– В этот раз ассистентка обещала прислать окончательный список гостей, – сказала Вера. – Я вчера проверяла, ничего не было.

– Посмотри еще раз, ладно? Мне нужно распределить номера. Голландцев я в «Лиссабоне» оставлю, они до двадцать четвертого, договорюсь с невестой. Писателя придется уговаривать съехать двадцать первого.

– Писатель съедет сам, – сказала Вера. – Вчера «эта женщина» ему что-то такое сказала, что он полночи бродил по коридору и плакал. Утром спрашивал про расписание автобусов.

Ева покачала головой и пошла завтракать. Голландцы уже сидели за своим столиком у окна, муж читал вслух газету на своем языке, а жена слушала его с таким видом, будто он читал ей стихи. Плетенка с маком стояла перед ними на деревянной доске, присыпанная сахарной пудрой, и в нее была воткнута маленькая восковая свечка в форме цифры «18». Ева не знала, где Макс ее взял, и решила не спрашивать.

Утро шло своим чередом. Она позвонила мастеру и договорилась, что он приедет до праздников еще раз посмотреть Генерала. Поругалась с поставщиком молочки, который поднял цены на треть и объяснял это погодой, коровами и мировой экономикой одновременно. Нашла в подсобке коробку со старыми елочными игрушками, которые бабушка покупала на предновогодних ярмарках в городе, и долго сидела над ней на корточках, перебирая стеклянных птиц с облезлыми хвостами и шары с выцветшей росписью. Это была одна из тех вещей, которые она так и не смогла разобрать после бабушкиной смерти, хотя прошло уже почти два года. Бабушкины очки до сих пор лежали на подоконнике в кабинете. Бабушкин кардиган висел на крючке у черного входа, и Ева иногда надевала его, когда выбегала во двор вынести мусор, и делала вид, что надевает его просто потому, что он ближе.

К полудню небо над ледником затянуло ровной серой пеленой, и в воздухе появился тот особый влажный холод, который местные называли «снеговым» и по которому безошибочно угадывали снегопад за сутки. Ева вышла на террасу проверить, как держатся крепления у навеса, который они с Максом поставили еще в ноябре для будущей церемонии. Отсюда открывался вид на всю долину: на красные крыши городка далеко внизу, на тонкую нитку дороги, которая петляла по склону и упиралась в ворота отеля, на темный ельник за ручьем и на белую стену хребта, которая в ясные дни казалась такой близкой, что хотелось протянуть руку. Бабушка говорила, что из-за этого вида она и купила дом, а все остальное, включая крышу, стены и полное отсутствие канализации, было просто приложением.

Ева постояла, глядя вниз. Ей нравилось это место, и она часто ловила себя на том, что нравится оно ей не так, как нравится дом, в котором выросла, а так, как нравится человек, который однажды тебя спас. Десять лет назад она приехала сюда на месяц, с одним чемоданом и выключенным телефоном, и бабушка ни разу не спросила, когда она собирается уезжать. Через полгода Ева начала помогать на кухне, через год – на ресепшене, через три – вести бухгалтерию,

через пять поняла, что не уедет никогда, и почти не удивилась этому. Когда бабушка умерла, нотариус зачитал завещание, в котором отель целиком переходил к Еве, и Ева выслушала его спокойно, потому что знала об этом и раньше. Тогда же она узнала про кредит и про то, что крыша восточного крыла была оплачена только наполовину.

– Ева! – Вера стояла в дверях, придерживая на груди концы шали. – Иди сюда. Прислали.

Список был длинным, на трех страницах, распечатанный Верой на старом принтере, который оставлял по краям серые полосы. Ассистентка Виктории разбила гостей на группы: родственники невесты, родственники жениха, друзья, коллеги. Напротив каждого имени стояли пометки: аллергия на орехи, вегетарианское меню, нужна детская кроватка, поздний заезд. Ева пробегала глазами строчки, автоматически прикидывая, кого в какой город поселить. Пожилые супруги Лев и Нина, дедушка и бабушка невесты, – на первый этаж, в «Самарканд», там нет ступенек и самая теплая ванная. Ника, кузина невесты, двадцать два года, – в «Брюгге», маленький номер под крышей, молодые любят такие. Феликс, плюс один подруги невесты по имени Даша, – в «Марракеш», рядом с Дашей, если они не пара, или вместе, если пара, нужно уточнить.

Первая страница, верхняя строчка, была отведена самим молодым. Невеста: Виктория. Ева видела это имя десятки раз в переписке, и оно не вызывало у нее никаких чувств, кроме благодарности. Жених: Марк.

Она прочитала это имя, и сначала ничего не произошло. Марков на свете много. Она знала по меньшей мере троих, включая сына мастера, чинившего Генерала. Потом ее взгляд сдвинулся вправо, туда, где ассистентка аккуратно указала фамилию, дату рождения и номер паспорта для регистрации, и фамилия, стоявшая рядом с именем, не оставила места для надежды на то, что это просто совпадение. Дату рождения она помнила тоже. Четырнадцатое марта. Однажды она испекла ему на этот день торт в форме самолета, потому что он всегда хотел работать там, где придется много летать, торт получился кривым, крыло отвалилось, пока она несла его из кухни, и они ели его прямо с пола, сидя на корточках, и смеялись так, что соседи стучали в стену.

– Ева? – спросила Вера. – Ты что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.